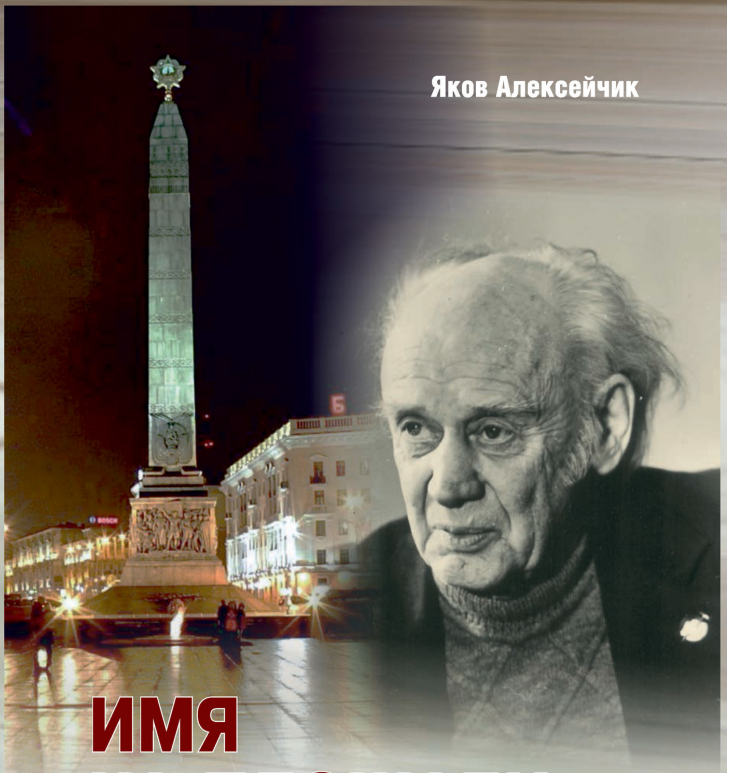


Яков Алексейчик

ИМЯ НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

Яков Яковлевич Алексейчик
Имя на площади Победы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40237385
Имя на площади Победы / Яков Алексейчик: Беларуская навука; Минск; 2018
ISBN 978-985-08-2281-9

Аннотация

Книга посвящена жизни, боевому и творческому пути Г. В. Заборского – народного архитектора СССР, заслуженного строителя БССР, лауреата Государственной премии СССР, одного из отцов-создателей белорусской архитектуры, творения которого не только украшают Минск и многие регионы нашей республики, но и во многом определяют их лицо. Для широкого круга читателей.

Содержание

Вместо предисловия. слово о великом мастере 7
Имя на площади Победы 10
Долгая дорога из дому домой 35
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Яков Алексейчик
Имя на площади Победы

Рецензенты:

академик НАН Беларуси, доктор архитектуры,
доктор исторических наук А. И. Локотко,
доктор исторических наук О. Г. Слука

Вместо предисловия. слово о великом мастере

Когда я прихожу на площадь Победы, меня как профессионала охватывает гордость за то, что подвиг народа столь достойно, столь талантливо и убедительно увековечен выдающимся архитектором, моим Учителем и Другом Георгием Владимировичем Заборским. Это нужно тоже расценивать как подвиг! Такую одержимость в работе, как у Заборского, такое стремление к совершенству я встречал редко у кого. В том, что касается зодчества, у меня сложилось твердое убеждение, что самым глубоким в этой сфере в Беларуси является именно великий мастер.

Потому я считаю очень правильным выбор Якова Алексейчика посвятить свой труд именно личности Заборского. Мне приходилось читать многие книги о жизни замечательных людей, но такой всеохватывающий материал, с таким проникновением во все сферы жизни человека – духовной, творческой, физической – я держал в руках впервые.

Валентин ЗАНКОВИЧ, архитектор, скульптор, лауреат Ленинской премии

Книга посвящена жизни и творчеству выдающегося мастера, народного архитектора СССР, академика Российской академии архитектуры и

строительных наук, лауреата Государственной премии СССР Георгия Владимировича Заборского. На основании обширных библиографических источников, свидетельств, воспоминаний друзей зодчего, его родных и близких, материалов переписки автор создал яркий образ великого художника, гражданина, патриота. Перед нами вместе с биографией Г. В. Заборского на страницах книги предстает история архитектуры и строительства Беларуси и всего Советского Союза в XX веке. Георгий Владимирович оставил весьма глубокий след в зодчестве и монументальном искусстве…

Книга написана хорошим литературным языком, читается с увлеченностью и, несомненно, является достойным произведением мемориально-биографического жанра.

Александр ЛОКОТКО, академик, директор Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси

… Бог создал землю, а украсили ее строители. Земные же шедевры создали архитекторы. Это их, и Георгия Заборского, Всевышний послал на землю для устройства райской жизни людей. Наверное, это чудо, как и то, что судьба берегла Г. Заборского, сохранила ему жизнь в смертельном пекле войны, в госпитальной палате вручила охранную грамоту на восстановление послевоенного Минска, а затем на преобразование белорусского села. Кому еще выпадает

такой судьбоносный знак…

Олег СЛУКА, доктор исторических наук, профессор

Имя на площади Победы

Человек, которому посвящена эта книга, навсегда прописан на площади Победы в белорусской столице. И каждый, будь это гражданин Беларуси, иностранный турист или глава делегации, представляющей другую страну, возлагая цветы или венки к обелиску, посвященному памяти воинов Советской Армии и партизан, погибших в боях за свободу и независимость республики, воздает дань уважения не только павшим героям. Одновременно он склоняет голову и перед именем того, кто превратил названную площадь в главную и для Минска, и для всего белорусского государства. Это выдающийся белорусский зодчий Георгий Владимирович Заборский – минчанин по рождению, выпускник Всероссийской Академии художеств в Ленинграде, народный архитектор СССР, заслуженный строитель БССР, академик Белорусской и Российской академий архитектуры. Его творения будут украшать и Минск, и многие другие места в Беларуси всю предназначенную для них жизнь. Он первым задумал, что такому монументу в белорусской столице быть и стал искать его облик.

Да, справедливости ради, надо сказать, что в осуществлении этой идеи он был не один. В том длительном процессе участвовала целая плеяда творцов, на плечах которых взрастала, а теперь стоит наша архитектура и скульптура. Вместе

с Г. В. Заборским создавал проект Владимир Адамович Король – уроженец Червеня, тоже народный архитектор СССР, однокашник Георгия Владимировича по Академии, его начальник и друг, соучастник его успехов, взлетов, падений и новых взлетов. Без зданий, им спроектированных, например, Главпочтамта, с которого начинается проспект Независимости, также нельзя представить нашу столицу. Одна из минских улиц носит его имя. В паре с ним Г. В. Заборский и одержал окончательную победу на конкурсе, который проводило белорусское правительство после решения возвести монумент в честь тех, кто отстоял право белорусов и Беларуси на жизнь. Символично, что только этим двум зодчим республики было присвоено звание «Народный архитектор СССР», которое в среде градостоителей почитается выше, чем Герой Социалистического Труда.

В полную меру своего большого таланта в создании столь знакового обелиска участвовали еще четыре мастера. Среди них – великолепный скульптор Заир Исаакович Азгур, как и Заборский с Королем, учившийся во Всероссийской Академии художеств, уроженец Сеннещины, народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии СССР, которая в то время, когда он ее получал, называлась Сталинской. Это его руками изваян Якуб Колас, всего в нескольких сотнях метров от монумента Победы навсегда присевший на камень в центре столичной площади, названной его же именем. Имя Азгура носит и од-

на из улиц в Минске. В этом же ряду выпускник Витебского художественного техникума и опять же Академии художеств в Ленинграде народный художник БССР скульптор Андрей Онуфриевич Бембель из смоленского городка Велиж. Еще до войны он создал рельефы для Дома правительства и Дома офицеров в Минске, строившихся по проектам выпускника и преподавателя все той же Академии художеств уже легендарного в Беларуси Иосифа Григорьевича Лангбарда. Позже А. О. Бембель с В. А. Королем стали соавторами мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Рядом с ними – питомцы Витебского художественного техникума. Один из них – уроженец Оршанщины народный художник БССР, лауреат Ленинской премии скульптор Сергей Иванович Селиханов, творец памятника Герою Советского Союза юному партизану Марату Казею, установленному в Минске недалеко от оперного театра, а также «Непокоренного человека» на мемориальном комплексе «Хатынь». Второй – тоже народный художник БССР, автор памятника Франциску Скорине в Полоцке скульптор Алексей Константинович Глебов, который, как свидетельствуют энциклопедии, родился в белорусском селе Зверовичи на Смоленщине. Названная четверка мастеров искусств создала бронзовые горельефы для монумента Победы, размещенные на четырех гранях постамента: «9 мая 1945 г.» – А. О. Бембель, «Слава погибшим героям» – 3. И. Азгур, «Советская армия в годы Великой Отечественной войны» – С. И. Селиханов, «Партизаны

Белоруссии» – А. К. Глебов. Приведенное перечисление показывает, что сошлись эти творцы на одном проекте, скорее всего, совсем не случайно. Их объединяла одна школа и ею привитый высокий вкус. Четверо из них – Г. В. Заборский, В. А. Король, З. И. Азгур и А. О. Бембель – учились в Академии художеств в Ленинграде. Причем Король, Азгур и Бембель до Академии занимались в Витебском художественном техникуме, который фактически находится под ее опекой. Тот же техникум закончили С. И. Селиханов и А. К. Глебов. Теперь на здании, где размещалось это учебное заведение, у истоков которого в 1919 году стояли Марк Шагал, Мстислав Добужинский, Казимир Малевич, Юдель Пэн, именовавшееся в разное время то училищем, то техникумом, установлено пять мемориальных досок. Четыре из них посвящены тем, в чьей творческой биографии значится и монумент Победы в Минске – З. И. Азгуру, А. О. Бембелю, В. А. Королю, С. И. Селиханову. А имя Глебова нынче носит уже столичный государственный художественный колледж, который является преемником техникума в Витебске. Замыкают плеяду создателей обелиска строители, материализовавшие выдающийся проект. Притом не только белорусские, но и украинские. Жаль, что на площади нет таблички, напоминающей об этом.

И все-таки главным в той плеяде был и остается Заборский, начавший вынашивать идею такого монумента еще тогда, когда гитлеровцы стояли у Сталинграда и Ржева, а его родной Минск был ими оккупирован. Успев в первые же

недели войны в полную меру вкусить солдатского хлеба в окопах и атаках, тем не менее, все те трудные годы он не имел ни малейшего сомнения, что «наше дело правое, победа будет за нами», как заявлял тот, кому все подчинялись и верили так, «как, может быть, не верили себе», что и констатировал советский поэт Михаил Исаковский. То, что Георгий Владимирович был именно из таких верующих, подтвердил в своих воспоминаниях Виктор Матвеевич Волчек – тоже известный белорусский архитектор, один из авторов мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». В записках, которые хранятся в Белорусском государственном архиве научно-технической документации, он отметил два поразивших его впечатления от встречи с Заборским, неожиданно для него случившейся в самом конце 1942 г. в Челябинске, куда после боев под Сталинградом отвели на отдых и пополнение часть, в которой Волчек воевал. Во-первых, он с трудом узнал в исхудавшем солдате своего однокашника по Академии художеств, во-вторых, был поражен, услышав, что в таком состоянии тот уже работает над проектом монумента победы для белорусской столицы. У него не хватало чертежных инструментов, карандашей, красок, даже нужную бумагу не всегда находил, но работал. В результате продолжавшейся несколько часов беседы В. М. Волчек пришел к выводу, что его друг «одержим патриотизмом». О неординарности такого поведения тяжело раненного воина в глазах многих, кто его встречал или слышал о нем в то время, говорит

и то, что впоследствии тот поступок солдата и зодчего оброс соответствующими теме легендами. Бывший председатель Минского горисполкома В. И. Шарапов утверждал, что Заборский из-за нехватки бумаги и картона создавал рисунки будущего обелиска даже на перевязочных бинтах.

Митинг по случаю открытия обелиска Победы на Круглой площади 4 июля 1954 г.

Барельефы обелиска еще закрыты белым полотнищем. Кадр из документального фильма

Зародившийся в то трудное время замысел Г. В. Заборского осуществился через двенадцать лет. В дни праздно-

вания десятой годовщины со дня освобождения Минска от гитлеровцев 4 июля 1954 года в белорусской столице состоялось торжественное открытие монумента Победы. В. И. Шарапов, будучи тогда вторым секретарем Минского горкома партии, вел митинг, посвященный этому событию. Как свидетельствует документальный фильм, хранящийся в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов, день стоял солнечный, хотя небо довольно густо покрывали белые облака. Площадь, на которой все происходило, тогда еще называлась Круглой, а пересекавшая ее широкая улица уже именовалась проспектом Сталина. Саму площадь, а также подходы и подъезды к ней заполняли нарядно одетые люди. Они толпились и на балконах окружающих ее домов, в открытых окнах квартир. Было воскресенье. В кадрах документального фильма и на снимках, которые опубликовали республиканские газеты вместе с отчетом об открытии монумента Победы, видно, что дом сразу за площадью – еще в монтажных лесах. Строительство проспекта продолжалось, но то, что уже было возведено, выглядело весьма впечатляюще.

Минчане на митинге во время открытия обелиска Победы 4 июля 1954 г. Кадр из документального фильма

Первая публикация об обелиске, уже возведенном на Круглой пощади, название которой даже в официальных документах нередко писалось с малой буквы, появилась уже накануне. В номере за 3 июля газета «Звязда» на первой странице поместила снимок монумента, однако подпись под фотографией В. Китаса была предельно краткой: «Агульны выгляд Круглай плошчы». Памятник стоял уже без лесов и был готов к торжественному открытию, но в газете об этом не говорилось ни слова. А вот московские «Известия» в за-

метке своего собственного корреспондента в Минске А. Козлова «Минск сегодня» сообщили, что «на Круглой площади заканчиваются последние приготовления к открытию памятника воинам Советской Армии и партизанам. Гранитный монумент увенчан эмблемой ордена Победы. Он сооружен в знак благодарности славным освободителям». Начиналась же публикация словами о том, что десятилетие со дня освобождения столицы минчане отмечают весьма торжественно, так как для этого есть еще один важный повод – сам восстановленный город. Ведь «всем своим обликом – новизной улиц, законченными архитектурными ансамблями, зеленью бульваров и молодых парков, заводами-гигантами, светлыми корпусами институтов – Минск как бы говорит: вот, смотрите, это подвиг народный, это выражение силы Советского государства, его неоценимой щедрости и заботы о процветании Белоруссии…». Далее автор подчеркивал, что гордостью белорусской столицы, которая была разрушена на восемьдесят процентов, стал проспект имени Сталина: «На восемь километров протянулась асфальтированная магистраль. По обеим сторонам проспекта – ровные ряды многолетних лип. Замечательные архитектурные ансамбли являются свидетельством крупных достижений советского градостроительства». Даже спустя шесть десятилетий можно говорить, что он отнюдь не переборщил с эпитетами по поводу того, что в главном городе республики было сделано за послевоенную декаду.

В тот же день и в «Комсомольской правде» была помещена пятидесятистрочная заметка «Возрожденный город». В ней тоже шла речь о новых улицах на бывших руинах и пепелищах, о скверах, об автомобильном заводе, о завершающемся строительстве стадиона «Динамо», о 37 тысячах высаженных в Минске деревьев и 274 тысячах кустарников. Конечно же, сказано было и об особенно красивом проспекте, а также о вновь созданной привокзальной площади – своеобразном вестибюле города. Однако о предстоящем открытии обелиска на Круглой корреспондент почему-то не сообщал. А в номерах за 4 июля (тогда газеты выходили и по воскресеньям) республиканские ежедневные издания опубликовали указ Президиума Верховного Совета БССР «О награждении Почетной Грамотой и Грамотой Верховного Совета Белорусской ССР рабочих-стахановцев, инженерно-технических работников, архитекторов и служащих строительных и проектных организаций». В списке отмеченных семнадцатым по счету значился Заборский Георгий Владимирович – руководитель архитектурно-конструкторской мастерской Белгоспроекта.

Отчеты об открытии монумента, помещенные в республиканских газетах за вторник 6 июля, были одинаковыми: все опубликовали на первых страницах текст, подготовленный Белорусским телеграфным агентством – БЕЛТА. В сообщении говорилось: «4 июля тысячи трудящихся Минска собрались на Круглой площади на митинг, посвященный откры-

тию памятника обелиска воинам Советской Армии и партизанам, погибшим в борьбе за освобождение Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов. Сюда пришли рабочие, служащие, ученые, школьники, воины Советской Армии и бывшие партизаны…». Их пока не называли ветеранами, так как многим еще не исполнилось и тридцати, а уж тем более сорока, в чем легко убедиться в ходе просмотра документального фильма. Было воскресенье. Они пришли на праздник.

У самого монумента была сооружена небольшая трибуна для руководства республики и города. В 11 часов утра на нее поднялись «тт. Патоличев, Мазуров, Козлов, Горбунов, Абрасимов, Макаров, Машеров, Лубенников, Уралова и другие, авторы памятника Король, Заборский, скульпторы Азгур, Бембель, Глебов, Селиханов». Николай Семенович Патоличев, названный первым, возглавлял в то время ЦК Компартии Белоруссии. Кирилл Трофимович Мазуров – правительство БССР. Третьим шел Василий Иванович Козлов – председатель Президиума Верховного Совета республики, Герой Советского Союза, руководивший в годы Великой Отечественной войны Минским подпольным обкомом партии и Минским партизанским соединением. Тимофей Сазонович Горбунов и Петр Андреевич Абрасимов были секретарями ЦК КПБ, Иван Николаевич Макаров заведовал в ЦК отделом, Петр Миронович Машеров, тоже Герой Советского Союза, возглавлял тогда белорусский комсомол,

Леонид Игнатьевич Лубенников – Минский обком партии, а Евдокия Ильинична Уралова работала заместителем председателя Совета Министров БССР. Из авторов монумента первым в отчете назван Владимир Адамович Король, затем Георгий Владимирович Заборский и остальные. Видимо, сыграло свою роль то, что Король к тому времени был еще и начальником Управления по делам архитектуры при Совете Министров БССР.

Временная трибуна для президиума митинга была небольшой и даже тесноватой для тех, кого на нее пригласили. На правом ее фланге стоял Патоличев, на левом, замыкая ряд, Король. Николай Семенович пребывал в явно хорошем настроении, для чего у него были веские причины. Он, в самом деле, мог быть доволен завершением строительства и открытием монумента Победы. Ведь по сути весь связанный с этим процесс проходил уже при нем. Патоличев возглавил белорусскую компартию в 1950 г. и имел прямое отношение и к конкурсам, и к решениям, относящимся к реализации утвержденного проекта. В ходе всего этого у него была возможность пообщаться с многими видными архитекторами, притом не только белорусскими, а и московскими, ленинградскими, потому он не мог не понимать, что сооружен объект высокой эстетической ценности. Более того, обелиск возводился в ходе и на фоне работ по активному возрождению разрушенного в годы войны Минска. И новый Минск тоже получался прекрасным, о чем в полный го-

лос уже стали говорить специалисты, притом не только советские. Возможно, в тот момент Патоличев вспоминал слова академика архитектуры Н. Я. Колли, сказанные о белорусской столице двумя годами ранее: «Проектирование и строительство центрального ансамбля города Минска, его Советской улицы является крупнейшим явлением в творческой жизни советских архитекторов… Если в старых городах, в том числе в Ленинграде, влияние ансамбля Невского проспекта с его площадями все-таки в достаточной степени локализовано, то архитектурное влияние ансамбля Советской улицы в Минске распространяется на значительную территорию города и является подлинным костяком всей архитектурно-планировочной системы Минска…». Конечно же, не могли не остаться в памяти Патоличева и оценки одного из членов делегации общества «Франция – СССР», посетившей Минск в 1952 г., Луи Вильфоса. Вернувшись во Францию, тот писал: «Для меня Париж есть и будет во многих отношения царицей столиц… Но, говоря так, я с большим удовольствием повторяю, что белорусская столица является образцовым городом для любого города во Франции подобных же размеров, городом, предоставляющим комфорт и удобства всем, а не только какой-то ограниченной привилегированной группе». Эти слова он запомнил на всю жизнь и через много лет привел их во втором томе своих воспоминаний, которые вышли в Москве уже в 1995 г. под названием «Совестью своей не поступись». В мемуарах Патоличева много

свидетельств и тому, что к архитекторам он относился с особым пиететом. С некоторыми из них партийный руководитель поддерживал отношения, похожие на дружеские. Тому же Заборскому помощник Патоличева мог позвонить даже в полночь – тогда начальники всех уровней допоздна засиживались в своих кабинетах, поскольку именно такого распорядка придерживался главный руководитель большой страны Сталин, – и сообщить, что придет первый секретарь ЦК. И тот вскоре появлялся в тогдашней квартире архитектора у парка Челюскинцев. Беседовали о городе, о новых проектах, а потом, чаще всего, выходили на столичные улицы, в ночные часы уже не столь многолюдные, чтобы оценить, как ведется новое строительство.

Не раз минчане могли увидеть их и в других ситуациях. Время от времени Патоличев с Заборским заходили в парк имени Горького. Там была волейбольная площадка, где часто появлялись и архитекторы, многие из которых увлекались этой игрой. Знали они, что не чурался ее и главный партийный руководитель республики. А уж Заборскому в волейболе и равных не было, утверждает профессор Вальмен Аладов, который считает себя учеником Георгия Владимировича. И когда игравшие на площадке видели приближавшихся Николая Семеновича с Георгием Владимировичем, то, как правило, предлагали им «размяться», уступая место у сетки. А те чаще всего и не отказывались, пусть хоть ненадолго. По свидетельству многих помнящих те годы, уважение

в отношениях между зодчими и этим главным белорусским руководителем было взаимным. До нынешних времен, когда архитекторы начинают говорить, что «в послевоенное время нам повезло на руководителей республики», то обязательно называют Н. С. Патоличева.

Во время открытия монумента Победы добавлять настроения Николаю Семеновичу могло и ощущение того, что это он еще за много лет до торжества на минской площади, посещая один из тыловых госпиталей, разглядел большие таланты у тяжелораненого бойца и даже принял участие в его судьбе. В годы войны Патоличев работал первым секретарем обкома в Челябинской области, на территории которой расположен город Троицк, где после ранения лечился и жил Заборский. Тогда врачи предложили главе области зайти в палату и познакомиться с солдатом, который рисует эскизы будущего монумента победы. Георгий Владимирович вспоминал: «Ему кто-то сказал, что в госпитале лежит ненормальный белорус, который проектирует памятник победы. Это было начало 42-го года. Он со мной поговорил. А я только на левое ухо слышал… И слышу от него, что это нормальный человек, которому надо создать условия. И мне поставили ширмочку…». Потом были и другие встречи. В автобиографии, написанной 20 февраля 1981 г. и сохранившейся в семейном архиве, Заборский уточнил, что, окрепнув, «по силе своих физических возможностей» он как художник выполнял поручения отдела пропаганды горкома партии Тро-

ицка. В частности, оформлял юбилейную выставку Троицкого ветеринарного института в 1943 г., которую тоже «принимал секретарь обкома партии тов. Патоличев Н. С.». Георгий Владимирович вспоминал также, что во время первой встречи уже в Минске Николай Семенович узнал бывшего солдата и сразу задал вопрос: «Будем строить памятник Победы?». И вот – состоялось. И он присутствует на торжестве, притом в ранге руководителя республики.

Сам Патоличев о работе в Челябинской области рассказал в своих воспоминаниях «Испытание на зрелость», изданных в 1977 г. К сожалению, в них ничего не говорится о посещении госпиталей и встречах с Заборским. Возможно, потому, что названная книга была посвящена довоенному, а еще больше военному времени и строилась, в первую очередь, на том, как все жили и действовали по принципу «все для фронта, все для победы». Речь в ней шла, главным образом, о производстве боевой техники, вооружений, формировании и обучении воинских частей. Впрочем, нет упоминания о необычном знакомстве партийного функционера с солдатом-архитектором, находившемся в Троицке на излечении, и во втором томе его мемуаров «Совестью своей не поступись». Но нет там и рассказа об открытии в Минске монумента Победы, хотя это было одно из первых сооружений подобного рода в СССР, если не самое первое. Ничего не говорится в них и о возведении в Минске памятника И. В. Сталину, а ведь это тоже происходило при Патоличеве и

во многом благодаря Патоличеву. Однако четко проведена мысль, что именно архитекторам, в числе которых названы оба главных автора обелиска Победы – Г. В. Заборский и В. А. Король, а не политикам, руководителям республики и ее столицы, он отдавал главную заслугу в том, что возрожденный Минск получался столь красивым.

На митинге выступает первый секретарь Минского горкома партии И. Д. Варвашеня. Крайний справа – первый секретарь ЦК КПБ Н. С. Патоличев.

Рядом с ним – председатель правительства БССР К. Т. Мазуров. Крайний слева – секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов. Кадр из документального фильма

Тем не менее Георгия Владимировича Заборского на три-

буне не было, в чем можно убедиться и в ходе просмотра упоминавшегося документального фильма. Случилось так, что, когда он торопился на Круглую площадь, его у нынешнего сквера имени Янки Купалы задержал один из, как теперь принято говорить, заказчиков. И деликатный в общении Заборский не смог от него отвязаться, потому и опоздал к открытию митинга, появившись там уже в разгар торжеств. Обеспечивавшие порядок милиционеры в президиум его не пропустили. Говорят, что потом сами обитатели трибуны обнаружили отсутствие одного из главных виновников торжества и восстановили справедливость, но кинокамера того уже не запечатлела. Упущение исправляли сам Н. С. Патоличев и первый секретарь Минского горкома партии И. Д. Варвашеня, который знал Георгия Владимировича еще с довоенного времени, когда работал на станции Минск Западной железной дороги сначала заместителем начальника восьмой дистанции пути, затем начальником пятой жилищно-строительной дистанции. Тогда он дружил со старшим братом Георгия – Владимиром, который был главным бухгалтером на вагоноремонтном заводе, и не раз бывал в доме Заборских. После войны Иван Денисович семь лет возглавлял Минский горком. Именно на эти годы выпали основные работы по строительству первой очереди главного столичного проспекта, а также весь процесс возведения обелиска Победы.

Руководитель столичного партийного комитета на том

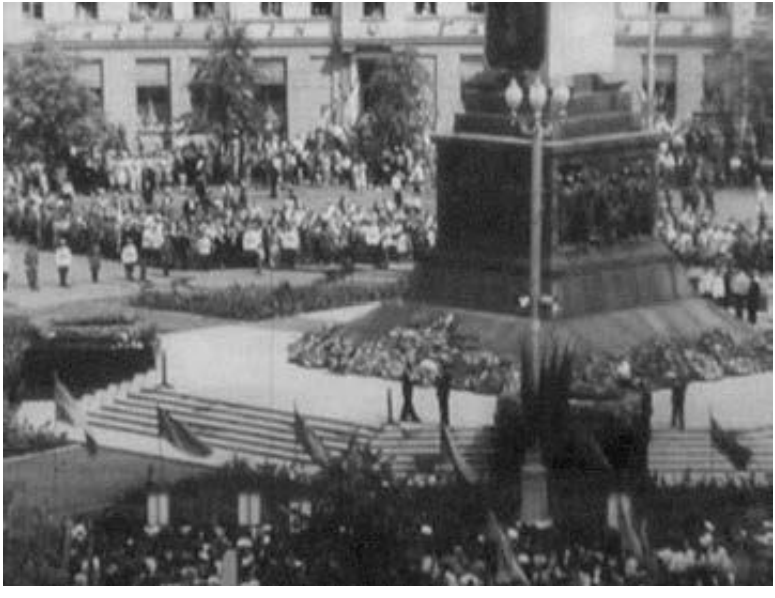
митинге произносил первую речь. Она была сугубо политической: о тяжелых испытаниях и героизме народа, о руководящей роли Коммунистической партии и залечивании ран войны, о том, что имена погибших «будут вечно жить в наших сердцах». И, конечно же, он подчеркнул, что памятник, который вот-вот предстояло открыть, должен не только напоминать о войне и победе, но и «звать всех на самоотверженный труд во имя дальнейшего неуклонного роста и процветания нашей социалистической Родины». После этого прозвучал гимн Советского Союза. И вот «тов. Варвашеня перерезает красную ленточку. Медленно сползает покрывало. Перед взором собравшихся во всем своем величии предстал 40-метровый монумент. Яркие лучи солнца скользят по отполированному граниту. От бронзовых барельефов ниспадают гранитные ступени. На 4 постаментах из черного гранита возложены массивные металлические венки. Внизу у фасадного барельефа прикреплен 4-метровый меч, увитый лавровым венком, вверху-герб Белорусской ССР. Обелиск увенчан орденом «Победа», который изготовлен из смальтовой мозаики… Высота ордена «Победа» достигает почти 3 метров».

Первый секретарь Минского горкома партии И. Д. Варвашеня разрезает ленточку во время открытия обелиска Победы. Кадр из документального фильма

Многочисленные делегации от городских районов, предприятий, строек, учебных заведений и учреждений сразу же возложили к обелиску венки и цветы. Затем слово было предоставлено директору Республиканской партийной школы И. П. Кожару. Во время войны Илья Павлович успешно руководил Гомельским партизанским соединением, за что был удостоен званий генерал-майора и Героя Советского Союза. От имени воинов минского гарнизона выступил генерал-лейтенант А. С. Бурдейный. В 1944 г. Алексей Семенович командовал прославленным 2-м гвардейским Та-

цинским корпусом, боевые машины которого и ворвались в Минск 3 июля. Один из танков его корпуса и теперь стоит на постаменте у столичного Дома офицеров. После этого митинг был объявлен закрытым, снова прозвучал гимн Советского Союза. Торжества переместились в соседний парк, на входе в который со стороны площади Победы теперь стоит прекрасная арка, похожая на триумфальную. Как и монумент Победы, она тоже создана по проекту Г. В. Заборского.

Возложение минчанами цветов к монументу Победы сразу после его открытия. Кадр из документального фильма



Сразу после открытия монумента Победы. Цветы уже со всех сторон обелиска. Кадр из документального фильма

Белорусская комсомольская газета «Чырвоная змена» 6 июля вместе с отчетом о митинге поместила и стихотворение Алеся Астапенко:

Будзе жыць у памяці заўжды
Манумент мы гэты узнялі,
Каб уславіць нам сыноў і дочак,
Што з франтоў дадому не прыйшлі,

Але з намі ў будучыню крочаць…

Будзе жыць у памяці заўжды
Хто Радзіму бараніў крывёю,
Калі ў трывожныя гады
Скалыналася зямля ад бою.

Нездарма над помнікам гарыць,
Палымнее ордэн Перамогі, —
З перамогай мы прайшлі, сябры,
Цяжкія ваенныя дарогі!

Из союзных ежедневных изданий на открытие монумента Победы в Минске откликнулась только «Правда». Причем сообщение «Открытие памятника монумента в Минске» состояло всего из семнадцати строк. Оно было размещено под рубрикой «День нашей Родины» с пометкой «Вчера, 4 июля…». Под ней также – вести о народных гуляниях в Москве в Центральном парке, об отдыхе бакинских нефтяников, о празднике песни на Рижском взморье, о том, как провели выходной жители Ашхабада в предгорьях Копет-Дага, как совершали прогулки по Волге обитатели Астрахани, а на московском стадионе «Динамо» москвичи приветствовали «участников финиша многодневной велосипедной гонки по маршруту Москва-Харьков-Киев-Минск-Москва». А еще – заметки из Иркутска о новостройках Восточной Сибири, о газификации Куйбышева – так тогда

называлась Самара, о выступлениях московских артистов Большого академического театра и театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко в Магадане. Рисовалась картина разнообразной событиями жизни большой страны. Торжество в Минске стало одним из штрихов той картины.

Такой же подход демонстрировала и белорусская пресса. «Звязда» поместила отчет под большой рубрикой, которую у журналистов принято называть «шапкой», «Па Совецкай краіне». Тогда слова «совецкі», «комунізм», «піонер» еще писались через «о» – изменения в правила грамматики были внесены позднее. В «Советской Белоруссии» материал об открытии монумента был заверстан на первой странице под призывом комбайнеров Петровской МТС Ростовской области «Развернем соревнование за перевыполнение дневных заданий, за высокий намолот зерна каждым комбайновым агрегатом».

На открытие монумента в белорусской столице вовсе не откликнулись «Известия», «Комсомольская правда». Надо полагать, в рамках Союза событие не было сочтено чем-то необычным. Война только недавно закончилась, памятников возводилось много, еще больше их предстояло возвести. Возможно, не сразу были осознаны и высокая художественная ценность минского монумента, и та значимость, которую подобные творения могут приобрести в народном сознании.

Иначе на появление обелиска отреагировали граждане бе-

лорусской республики. Оперная певица, народная артистка СССР Тамара Николаевна Нижникова, присуствовавшая на открытии монумента, потом не раз говорила, что многие плакали, становились на колени. Так же поступали и приходившие на Круглую площадь в последующий дни. Г. В. Заборский тоже писал в своих воспоминаниях, что началось «сплошное паломничество к этому священному месту». Были не только слезы в глазах у многих, были, как утверждают, и молитвы. Так началась жизнь монумента, без которого уже невозможно представить и нашу столицу, и нашу республику. И, кто знает, не те ли людские потоки со временем привели к пониманию необходимости создания мемориала «Брестская крепость-герой», композиции «Родина-мать зовет» на Мамаевом кургане в Волгограде, «Матери-Родины» на Пискаревском кладбище в Ленинграде, мемориала-музея «Малая замля» в Новороссийске… Заборский раньше других смог угадать, что ляжет на душу людей? Почему бы и нет: он хорошо знал историю искусств и роль выдающихся художественных произведений в жизни народов.

Долгая дорога из дому домой

У Константина Симонова в восьмой главе самого известного его романа «Живые и мертвые» говорится о том, как колонну из чертовой дюжины грузовиков и двух «эмок» с только что вышедшими из окружения солдатами и командирами, движущуюся по лесному грейдеру, застигла бомбежка перед мостом, переброшенным через реку, и разорвала на две части. Как реквием той колонне прозвучали слова, заключающие эпизод: «Никто из них не знал, что вынужденная остановка у моста, разрезавшая колонну надвое, в сущности уже разделила их всех, или почти всех, на живых и мертвых». Это определение дало название и самому роману. Но в сущности для белорусского и остальных народов огромной страны, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, в таком же смысле разделительным стало само 22 июня 1941 года. Именно в тот день – и не имеет значения, в момент, когда раздались первые залпы войны, или тогда, когда люди слушали по радио В. М. Молотова, сообщившего им о гитлеровском нападении, – они уже были «расфасованы» по двум секциям. В одной предстояло оказаться тем, кто это испытание переживет, в другой – тем, кто уже никогда не увидит родных пенат. Разумеется, сами они об этом не знали, более того, каждый из них все-таки рассчитывал вернуться домой с победой. И уж точно вряд

ли кто представлял, какие испытания придется перенести и тем, кто выживет, и тем, кого не пощадят боги войны. Тем паче, что абсолютному большинству казалось, будто та война долго не продлится.

Судя по воспоминаниям Георгия Владимировича Заборского, он тоже, узнав о германском нападении, в тот воскресный день воевать еще не собирался. Точнее, не предполагал, что взяться за оружие придется и ему. Тем более, что день прошел спокойно. С утра в Минске состоялось торжественное открытие Комсомольского озера. Выступление В. М. Молотова прозвучало в полдень, но над городом еще не появилось ни одного вражеского самолета и не раздалось ни одного выстрела зениток – бомбардировки белорусской столиц начались на третьи сутки. А в то воскресенье ближе к вечеру он зашел к своему другу Алексею Волкову, и они стали обсуждать возможные варианты развития ситуации. После войны он не скрывал, что тогда даже пропустили по рюмке-другой спиртного. И в шутку добавлял, что война – разве это не такая ситуация, в которой, как гласит поговорка, тудно разобраться без чарки. Спустя два дня он ушел добровольцем в Красную Армию, но того поворота событий, который теперь изложен в каждом учебнике, 22 июня он еще никак не предполагал. Да и на следующий день в Минске было относительно спокойно. Как писал в своих воспоминаниях и Данила Константинович Мицкевич – сын Якуба Коласа, «утром 23 июня я пошел на химфак БГУ, где принимал эк-

замены по технической химии у третьекурсников…». Но 24-го над белорусской столицей уже появились целые эскадры бомбардировщиков с черными крестами.

Причины, побуждавшие двух молодых людей полагать, что им все-таки не придется браться за оружие, были разные. Одной из них – самой известной в наше время – можно назвать официальную советскую пропаганду, уверявшую граждан СССР, что если война и вспыхнет, если кто-то и осмелится напасть на Страну Советов, то непременно получит жесткий отпор Красной Армии, которая немедленно перейдет в наступление и разобьет врага на его же территории. За прошедшее с того трагического дня время этот тезис много раз подвергался критике и даже осмеянию, однако нетронутыми или незамеченными почему-то остались два момента. Во-первых, такая манера утверждений, адресованных соотечественникам, была характерна не только для господствовавшей в СССР коммунистической идеологии. Тот, кто хоть немного интересовался межвоенной историей, не мог не заметить, что тем же грешила, если это был грех, и польская пропаганда. Буквально за несколько недель до нападения гитлеровской Германии на Польшу ее посол во Франции Ю. Лукасевич заявлял, что в случае немецкой агрессии польская кавалерия вскоре будет гарцевать по улицам Берлина. Во-вторых, хоть через много десятилетий, но все же стоит задать упорно напрашивающийся вопрос: а можно ли представить себе, что какое-либо государство устами своих руко-

водителей и идеологов, понимая неизбежность войны, вдруг стало бы призывать своих граждан готовиться к тому, что их армия будет долго отступать, потерпит целый ряд серьезных поражений и большое количество солдат и офицеров попадет в плен, что враг оккупирует значительную часть территорий, что он подступит к самой столице, и только тогда придется максимально напрячься, чтобы наносить удар за ударом по зарвавшемуся агрессору до самой вражеской столицы? В таком случае стали бы граждане этой страны, услышав «разъяснения» подобного рода, добровольно отправляться в военкоматы и на сборные пункты, бросаться на амбразуры дотов, идти на тараны, не сдаваться в плен, как это делали защитники Брестской крепости, даже оставшись в глубоком окружении без надежды на помощь?.. Надо полагать, ответ очевиден.

Но есть и еще один весьма существенный момент. Возможно, самый важный. Скорее всего, два молодых человека, собравшись за домашним столом, «оставались в плену официальной пропаганды», если кому-то более угодна такая формулировка, не только потому, что верили в Красную Армию и ее главного маршала Климента Ворошилова. Можно не сомневаться, верить в это побуждало и то, что такой вариант развития событий был наиболее приемлемым для них и для всего населения страны. Вряд ли кто-то посмеет предположить, что в нашем родном Минске, в другом городе или поселке жили люди, уже строившие планы, связанные с тем,

как умереть в гетто. Или что в белорусских деревнях обитали те, кто готовился закончить свои дни в горящем доме, сарае, утонуть в болоте во время блокады партизанского края. Все, разумеется, желали, чтобы война к их дому не подошла. А если уж иметь ввиду начальство, то оно именно такого развития событий просто жаждало, поскольку это дало бы ему возможность значительно увеличить то, что теперь обозначают как политический капитал, а тогда называли народным доверием. Мол, мы заверяли, что враг получит достойный ответ, и он, вы же видите, умылся кровавой юшкой.

В воспоминаниях Данилы Константиновича Мицкевича есть весьма красноречивый эпизод, тоже подчеркивающий, что «никто из минчан не представлял, что станет с городом через два дня». Да, все тогда напряглись. Его отец «тут же написал гневное стихотворение «Бешеного пса – на цепь!», которое газета «Правда» опубликовала 24 июня 1941 года без перевода – на белорусском языке. Дома вырыли две траншеи – убежища от бомбежек. Их называли «щели». Глубокие, узкие, длинные ямы в рост человека сверху накрыли поленьями, досками на случай дождя…». А далее идут строки, которые кажутся просто невероятными для тех, кто нынче уже знает, как на самом деле разворачивались события: «Днем 23 июня отцу позвонил тогдашний секретарь ЦК КП(б)Б Т. С. Горбунов, сообщил, что наши войска взяли Кенигсберг. Весть, разумеется, обрадовала всех нас, подняла настроение, но, к сожалению, оказалась выдумкой. После этого отец

некоторое время в узком кругу друзей называл автора выдумки Горбуновым-Кенигсбергским…». А назавтра семье классика белорусской литературы пришлось уезжать из города по уже вовсю пылающей улице Красной, почти примыкающей к нынешней площади Победы, а затем по улице Пушкинской – так до войны и еще семь лет после нее называлась та часть нынешнего проспекта Независимости, которая начинается от теперешней площади Якуба Коласа, тогда еще не существовавшей, и ведет на восток в сторону Москвы. Однако уже в машине родственник народного поэта Игнат Юрьевич Мицкевич уговаривал всех завернуть в деревню Березянка у Марьиной Горки и там переждать несколько столь неожиданным боком повернувшихся дней или недель. Упорно не хотелось верить, что эта война надолго, что пересидеть на каком-либо затишном хуторе в стороне от главных дорог никому не удастся. Но сын Якуба Коласа тогда настоял на том, что надо ехать в Москву.

Теперь трудно предположить, чем руководствовался партийный секретарь высокого ранга, когда звонил Якубу Коласу с «кенигсбергской новостью». Не знал о реально складывающихся делах на фронте? Хотел успокоить? К сожалению, Данила Константинович не написал, напоминал ли его отец когда-либо Т. С. Горбунову о том злосчастном телефонном разговоре, хотя вряд ли есть основания сомневаться, что партийному секретарю приходилось довольно часто общаться с наиболее известным и почитаемым в народе членом

Центрального Комитета КПБ. Никак не объяснил сын писателя и того, почему Якуб Кол ас не участвовал в церемонии открытия монумента, ведь это в определенном смысле был памятник и его сыну Юрию, погибшему на войне. Возможно, помешали проблемы со здоровьем, ведь классику белорусской литературы шел уже семьдесят второй год. О том, что Якуба Коласа там не было, можно говорить с полной определенностью, ибо если бы он туда пришел, то его обязательно пригласили бы на трибуну, запечатленную в документальном кинорепортаже и на снимках фотокорреспондентов. Другого Н. С. Патоличев просто не допустил бы. А Тимофей Сазонович Горбунов на том торжественном митинге на Круглой площади присутствовал, притом в том же секретарском ранге, что подтверждают и фильм, и официальный отчет.

Применительно к настроениям, которые доминировали в умах минчан 22 июня, правомерно и другое суждение: если даже у людей, имеющих возможность связаться с руководством республики и задать соответствующие вопросы, еще не было ощущения, что война продлится долго, даже несколько лет, то какой прозорливости можно было ожидать от вчерашних студентов. Двумя молодыми людьми, которые вечером 22 июня обсуждали возможное развитие событий, руководила личная логика, вытекающая из собственного понимания событий. В частности, Георгий Заборский, которого дома и в кругу друзей называли Жоржем, полагал, что он просто не успеет на фронт в силу того, что Красная Армия

разобьет фашистов быстрее, чем с него снимут бронь. Ведь понадобится время и на составление бумаг, и на их согласование, подписание, пересылку, утверждение. Не будут же корпуса и дивизии бездействовать все эти дни. Они успеют нанести сокрушительный удар. Именно так он, спустя годы, рассказывал о той «посиделке» с другом в одной из передач по белорусскому радио, будучи уже народным архитектором СССР.

Надо сказать, что начавшаяся война была ему совсем некстати еще и потому, что у Жоржа только-только стала упорядочиваться личная жизнь, а ведь ему шел уже тридцать второй год. К этому возрасту он не только приобрел столь приемлемую для него профессию, получив образование в весьма престижном высшем учебном заведении в Ленинграде, не только сделал важные шаги, которые позволили ему убедиться в правильности совершенного выбора и даже получить заметное признание, но принять еще одно достаточно важное для любого мужчины решение. Он вознамерился жениться. Его избранницей стала врач Елена Роговая, которая в белорусскую столицу приехала учиться из Севастополя. Она уже заканчивала Минский медицинский институт. Предложение руки и сердца и получение согласия произошло буквально за месяц до разразившейся войны.

А путь к профессии, созданию семьи был для Жоржа Заборского весьма непростым не только потому, что он еще подростком остался без отца. На те почти тридцать два го-

да его жизни пришлась сначала Первая мировая война, потом революция в огромной империи, последовавшая за ней гражданская война, две интервенции, в ходе которых Минск захватывался войсками сначала Германии, затем Польши. И начались большие передряги тогда, когда ему было всего шесть лет…

Георгий родился 11 ноября 1909 г. в семье счетовода четвертого отделения Московско-Брестской железной дороги Владимира Александровича Заборского и его жены Елены Ивановны, став их третьим ребенком. Старше его были брат Владимир и сестра Ольга, двумя годами позже на свет появилась сестра Мария. Заборских к этому времени уже можно было с полным основанием называть потомственными железнодорожниками. Машинистом паровоза работал еще дед Жоржа, и в семье нередко вспоминали о том, как когда-то он, проезжая мимо своего дома, сбрасывал с паровозного тендера – специального вагона для топлива – несколько поленьев для домашнего употребления. Железнодорожные локомотивы ведь не с первых дней работали на угле. Жили Заборские тогда в Москве. И, скорее всего, не одно поколение Заборских. Их перемещение к западу началось со строительством Московско-Брестской железной дороги, которая по указу российского императора Александра II была проложена всего затри года-с 1868 по 1871. С 1912 г. она даже называлась Александровской – в честь царя. Владимир – брат Жоржа – был крещен еще в Орше, остальные трое

детей – уже в Минске. Семья принадлежала к лютеранской церкви. Жили Заборские в двухэтажном деревянном доме, который стоял недалеко от того места, где сейчас расположен Белорусский университет культуры и искусств. Улица, как и сейчас, называлась Московской. Светлана Николаевна Ковязина – племянница Георгия Владимировича, которая в детстве там тоже жила, вспоминает, что это был просторный дом, к которому прилегал обширный участок с садом и огородом. Заборским он уже много лет принадлежал на правах собственности, а это свидетельствует о том, что железнодорожные служащие зарабатывали вполне прилично. В книге З. В. Шибеко и С. Ф. Шибеко «Мінск. Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада» говорится, что железнодорожники в дореволюционном Минске получали в два раза больше рабочих на других предприятиях, а доходы железнодорожных служащих – в три раза превышали зарплату обычных путейцев. Плюс гарантированный оплачиваемый отпуск, право бесплатного проезда по железной дороге, форменная одежда, квартирные льготы. Многие из преимуществ сохранялись и при Советской власти – униформа, высокая и стабильная зарплата, бесплатный проезд самому и льготный всей семье. Всеми делами в доме Заборских заправляла Елена Ивановна. Рядом осели и ее сестры Анна и Ольга с мужьями. Дом сгорел во время Великой Отечественной войны. И не всем его обитателям удалось пережить то лихолетье, включая Елену Ивановну.

Ставший знаменитым продолжатель рода Заборских Георгий появился на свет Божий дома. Как потом уже взрослому Жоржу рассказывала мама, «не в клиниках тогда рожали, домой акушерки приходили». И уточнял детали, услышанные из маминых уст: «Мне говорили, что родился я ровно в 2 часа ночи. Часы били… Рассказывали, что акушерка, которая меня принимала, подняла меня и сказала: «Вот появился на свет новый великий человек!». Так своеобразно он объяснял, почему стал академиком архитектуры, лауреатом Государственной и многих иных премий, народным архитектором СССР. Мол, при рождении было напророчено. Правда, добавлял, что «рос и не думал, каким буду». Мог стать и железнодорожником. Впрочем, с точными науками дела в школе не всегда ладились, что и выяснилось при поступлении в Академию искусств, а для профессий, связанных с обслуживанием большого путейского хозяйства, они были весьма необходимы.

До войны железнодорожников в Минске было много. Они являлись самой многочисленной профессией, жили компактно, стараясь селиться поближе к работе. Притом, как отмечал писатель-маринист Александр Миронов, учившийся в той же школе, что и Георгий Заборский, трудились в одном месте зачастую целыми семьями. К сожалению, Георгий Владимирович не оставил никаких записок о своей юности, за исключением коротких абзацев на эту тему в автобиографиях, которые писались в разное время для разных органи-

заций, где он работал. А вот его однокашник, с которым молодой Жорж даже пытался уехать на север, в одной из книг посвятил своей улице целую главу, которая так и называется «На Московской». После войны Заборский и Миронов, который снова поселился в Минске, возобновили контакты, что дало им возможность многое вспомнить. Например, что их родной город в начале двадцатого века, то есть тогда, когда они появились на белый свет, был раз в двадцать меньше нынешнего. Что почти вся его промышленность состояла из небольших предприятий, мастерских, что тот же чугонолитейный завод, ставший потом станкостроительным и получивший имя Кирова, производил преимущественно ведра, кухонные ухваты, печные дверцы. Редко на каком предприятии работало больше сотни человек. Зато железнодорожников и всех, занятых в путевом деле, насчитывались многие тысячи. Тогда путевое хозяйство имело в Минске не один, как теперь, пассажирских вокзала, а два – Московский и Виленский. Да еще два депо – паровозное и вагонное, две горки для формирования составов. А также свою больницу, свою поликлинику, свои церкви, даже свою баню, не говоря уже о школах, которых тоже было две: четырехлетка на Московской и девятилетка на Захарьевской. В них обеих поочередно и учились Жорж Заборский и Александр Миронов. Как и домов, в которых жили оба парня, школ не стало во время войны. На месте девятилетки, размещавшейся в трехэтажном здании из темно-коричневого кирпича, уточняет Алек-

сандр Миронов, теперь стоит минский Главпочтамт, построенный по проекту, созданному сподвижником Заборского архитектором Владимиром Королем при участии столь же талантливого зодчего Абрама Духана.

Спустя много лет Георгию Владимировичу довелось работать с Галиной Александровной Беганской, не раз награждавшейся медалями и дипломами ВДНХ СССР за вклад в сельское зодчество, ставшей заслуженным архитектором БССР. Она долгое время трудилась в мастерской Г. В. Заборского, они вместе осуществляли крупные архитектурные проекты на Брестчине, Могилевщине, Гродненщине. А ее мама – Ядвига Иосифовна Беганская – известная в советское время детская писательница и переводчица с польского и словацкого языков – тоже училась в одной школе с Заборским. И тоже была из семьи железнодорожника. Время от времени ее отцу приходилось возить на выселение раскулаченных. Возвращаясь из поездок, он, видимо, ронял неосторожные слова на эту тему не только в домашнем кругу, потому что вскоре был арестован. Такая же судьба вскоре постигла и мужа Беганской, и она стала ходить в местный отдел НКВД, спрашивать, в чем их вина. Там сначала посоветовали не задавать подобных вопросов, а когда Ядвига проявила настойчивость, ее тоже отправили на Колыму. Она смогла вернуться в Минск только в 1956 г., когда ее дочка уже училась на архитектурном факультете Белорусского политехнического института им. Сталина, где Георгий Заборский был

одним из самых любимых преподавателей. И мама стала рассказывать дочке-студентке, что в ее школьное время одноклассники любили потешаться над светлой шевелюрой Жоржа, которая напоминала им одуванчик. Тесен мир, оказывается.

Но детство и юность Жоржа Заборского, как и Александра Миронова, Ядвиги Беганской, от детства многих других минчан отличалось не только тем, что оно прошло на широкой, вымощенной булыжником улице. Железнодорожники и их дети держались немножко особняком, довольно тесной ватагой, хотя и были поистине интернациональным сообществом. В так называемом доме Дрейцера на Московской жили и Азаркевичи, и Лифшицы, и Пекарские, и Мироновы. Такое «смешение народов», несомненно, сказывалось и на языке общения, тем не менее, это никого не смущало. Однако, когда им стали преподавать белорусский, у подростков, вспоминал Миронов, невольно возник вопрос, а на каком языке они разговаривали в своем кругу до сих пор, не замечая смешения разноплеменной лексики. В качестве примера приводил фразу: «Батька дисей дав мне цванцих грошей, айда вечером в киношку». И никто не заморачивался от того, что «дисей» – это от польского «дзисяй», что означает «сегодня», «цванцих» – это немецкое «двадцать», ну а что означает слово «гроши» понятно было носителю любого языка.

Школа постепенно расставила акценты. В документаль-

ных фильмах и сохранившихся записях телепередач, в которых содержатся выступления архитектора, он говорит только по-русски, притом его речь стилистически правильная до изящности. Как утверждают те, кто хорошо знал Заборского, его отличал интеллигентный, так называемый питерский говор – сказалось шестилетнее пребывание в городе над Невой, общение с его жителями. Однако в личной его библиотеке стоили на полках целые собрания сочинений белорусских классиков, среди которых особенно выделялись четырнадцатитомник Якуба Коласа и семитомник Янки Купалы. И с Якубом Коласом, с которым он был не просто знаком, а много лет общался, он, скорее свего, разговаривал на том языке, на котором писал классик. Отвечая в анкетах на вопрос, какими языками он владеет, Георгий Владимирович всегда писал, что белорусским владеет свободно. И можно не сомневаться в правдивости его ответов хотя бы потому, что время его учебы в школе пришлось на период активной белорусизации сферы образования, культуры и официальной жизни в республике.

Однако первые годы учебы были нестабильными. Когда юному Жоржу надо было отправляться в первый класс, еще шла Первая мировая война. Фронт проходил у Барановичей, в Минске располагались крупные штабы и множество госпиталей. Семья Заборских была в эвакуации в центральной России. В 1917 г. грянула Октябрьская революция, в Минске тоже установилась Советская власть. Семья вернулась

домой, но в феврале 1918 г. город был взят частями польского корпуса генерала Довбор-Мусницого, сформированного в составе русской армии с согласия петроградского Временного правительства и отказавшегося подчиняться Советам. После Брестского мира, заключенного в марте, в Минск вступили немцы, подчинив себе поляков. А потом революция вспыхнула и в Германии. В январе 1919 г. в город, который был объявлен столицей БССР, снова вошла Красная Армия. Но в феврале перешли Западный Буг и двинулись на восток войска только что возродившейся второй Речи Посполитой. В августе они опять заняли Минск, а вскоре вплотную приблизились к Днепру и Западной Двине. Однако польское военное счастье тоже было переменчиво, и в июле 1920 г. Красная Армия вернулась в белорусскую столицу.

Нетрудно предположить, что в течение тех лет вряд ли могли нормально функционировать школы. О том, что это было за время, довольно красноречиво поведал все тот же Александр Миронов. Для немцев минчане были «русише швайн», для польских жолнежей – «пся крев». Не дай бог, подчеркивал писатель, кто-то не вовремя уступил дорогу – измордуют. С кровоподтеками, оторванным рукавом и отрезанной тесаком бородой вернулся однажды домой и отец будущего автора морских романов. В перипетиях тех лет не избежала потерь и семья Заборских. В 1919 г. во время одного из погромов, учиненного польскими легионерами, погибла сестра Жоржа двенадцатилетняя Ольга Заборская. Она от-

казалась впустить их в дом, и те стали стрелять в дверь. В девочку попало сразу несколько пуль, и она скончалась. Так что спокойная учеба началась только с 1921 г., когда с Полыиой был заключен мирный Рижский договор, разделивший Беларусь пополам. Но в 1923 г. ушел из жизни отец – Владимир Александрович. Как спустя много лет говорил Георгий Владимирович, над мужчинами рода Заборских довлел настоящий рок, мало кто из них доживал до пятидесяти из-за болезней сердца. Жоржу было всего четырнадцать, Марии – двенадцать, старшему Владимиру – двадцать три. Через много лет Георгий Владимирович вспоминал, что «семье было тяжело, и мне пришлось рано познать все тяготы жизни», что «часто приходилось прерывать учебу, и поэтому в нашей школе было очень много переростков». Закончилось школьное время для юного Георгия уже в двадцатилетием возрасте.

А со школой ему повезло. И не потому, что она носила имя А. Г. Червякова, с портретами которого ходили на демонстрациях в честь годовщин Великой Октябрьской революции и первомайских праздников, чей бюст в новом Доме правительства был установлен рядом с бюстами Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Феликса Дзержинского. Александр Григорьевич семнадцать лет пробыл председателем Центрального Исполнительного Комитета – так назывался предшественник Верховного Совета БССР, но в июне 1937 г. на съезде белорусской компартии был подвергнут резкой

критике за то, что недостаточно активно руководил «уничтожением врагов народа». Не выдержав травли, он выбросился из окна. А будучи при власти, конечно же, покровительствовал школе, которая носила его имя – не без того в подобных случаях. Школу в Минске даже называли «Червяковкой». В свою очередь, ее ученики тоже были на слуху и на виду в столице. Реагируя на политические запросы дня, они, вспоминал Георгий Владимирович, «под руководством старших товарищей… проявляли большую деятельность и активность… в борьбе с хулиганством, беспризорностью, выпускали стенные газеты как в нашем отряде, так и на заводе имени Мясникова, писали лозунги, участвовали в самодеятельности, сами писали пьесы, которые играли в железнодорожном клубе и в подшефной деревне». Завод имени Мясникова был вагоноремонтным. Там в бухгалтерии работал брат Жоржа Владимир. А сам Жорж был настолько активным и неординарным парнем, что уже в то время в железнодорожном клубе устраивались выставки его рисунков и живописных картин. Кроме того он занимался резьбой по дереву, лепкой.

Однако повезло питомцам школы прежде всего в том, что в ней работали прекрасные педагоги. Например, географию и историю преподавал Иван Михайлович Федоров, ученики которого долгое время не догадывались, что это одновременно и писатель, известный всей республике по творческому псевдониму Янка Мавр. Через всю жизнь пронес Забор-

ский чувство благодарности и к Николаю Ковязину – учителю рисования и руководителю школьного драмкружка. Со временем Николай Александрович, будучи по образованию инженером-строителем, закончившим Минское коммерческое училище и Минский политехникум, вырос в крупного театрального деятеля. Этот самородок, начав реализовывать свой сценический талант в качестве участника самодеятельной труппы железнодорожного театра «Красный путь», впоследствии стал организатором и первым художественным руководителем Белорусского театра юного зрителя, затем Белорусской государственный эстрады, возглавлял театры в Бобруйске, Пинске, Гродно. Вот как рассказывал Георгий Владимирович автору книги о Ковязине Владимиру Нефеду: «Поступая в железнодорожную школу, я слышал от товарищей, что Николай Александрович – интересный педагог, он преподавал в школе уроки рисования и черчения… Уроки Николая Александровича просто захватывали нас. Это были праздники искусства. Мы не только рисовали или чертили. Он нам рассказывал, притом вдохновенно, об истории искусства, о роли и воздействии искусства на человека. Очень здорово читал отрывки из художественных произведений. В то время этим занимались настоящие подвижники. Равнодушия и равнодушных он не терпел».

Георгий Владимирович подчеркивал, что этот учитель рисования оказал на него очень сильное влияние, более того, уделял ему больше времени, чем другим ученикам: «В клас-

се Ковязин обратил внимание на меня, В. Суховерхова и стал заниматься с нами еще

дополнительно. Ходили на этюды, он приглашал нас на занятия к себе домой. Человек он был требовательный, умел увлечь за собой, мы заслушивались его рассказами, он вдохновлял нас. В 1924 году, кажется, он вместе с Романичевым (учитель литературы) возил ребят, отобранных им, в Москву на экскурсию. Знакомил с Москвой, музеями, театрами». Железнодорожный статус школы, конечно же, серьезно облегчал организацию поездок по большой стране, в ее столицу, где ученики могли полюбоваться многими ее красотами, прежде всего архитектурными. Заборский признавал, что «Николай Александрович помог мне найти себя и определить свое призвание, раскрыть мои способности».

Стараясь раскрыть дарования своих учеников, у которых он замечал талант, Ковязин привлекал того же Заборского и Суховерхова к оформлению спектаклей в самодеятельном театре железнодорожников «Красный путь», поручал писать тексты реплик и эпизодов. Впоследствии В. П. Суховерхов стал известным белорусским живописцем, много внимания уделившим в своем творчестве боевому подвигу воинов Красной Армии и партизан. В послевоенное время были широко известны его картины «За родную Беларусь», «Встреча партизан с Советской Армией», целая серия выполненных акварелью портретов народных мстителей. На Заборского влияние Ковязина было даже большим и в значи-

тельной степени неизбежным еще и потому, что этот учитель рисования вскоре женился на Марии – сестре Жоржа, которая тоже стала актрисой и за сценические успехи впоследствии была удостоена звания заслуженной артистки БССР.

Однако есть основания предположить, что на выбор профессии повлиял не только учитель рисования. В своих автобиографиях, которые он писал в разных коллективах, Георгий Владимирович почти всегда подчеркивал, что «тяготение к искусству у меня появилось весьма рано, и дома это поощрялось, так как это было наследственное призвание рода Заборских, уходящее в глубь веков, как и профессия машиниста». В одной из бесед на белорусском радио Георгий Владимирович поведал, что зодчим его очень хотел видеть отец, утверждавший, что их род имеет прямое отношение к тому Петру Заборскому, который был чуть ли не правой рукой патриарха Никона при возведении Новоиерусалимского монастыря под Москвой. В нем, по замыслу Никона, должен был быть воссоздан комплекс святых мест Палестины.

В описании Новоиерусалимского храма подчеркнуто, что поскольку «Патриарх Никон был духа великих предприятий, и притом отменною у Государя пользовался милостию, то главною к сооружению сего монастыря причиною было, кажется, принятое им намерение, дабы по примеру Богородична Иверскаго монастыря, в коем подражал он Афонской горе, еще заимствовать от Палестины в Россию Иерусалимский храм Воскресения Христова, вообще храмом свя-

таго гроба Господня именуемый». И для осуществления такого «отменного предприятия» мастера подбирались тоже отменные. А Петр Заборский, на уровень которого ориентировался Георгий Владимирович, был мастером редкого тогда на Руси ценинного дела. По словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, так называли «в московской Руси производство глиняных изделий глазированных, муравленных, самой разнообразной формы, особенно изразцов», т. е. кафеля. Речь идет об изделиях, покрытых в результате высокотемпературного процесса стекловидной краской, которую на западе Европы именовали эмалью, на Московской Руси-финифтью, от греческого слова, означавшего смешивание. Историк и археолог И. Е.Забелин пришел к выводу, что это искусство появилось в Византии. В своей книге «Историческое обозрение финифтяного ценинннаго дела в России», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1853 г., он приводит летописную легенду, рассказывающую о том, что при возведении знаменитого Софийского храма император Юстиниан задумался о том, как украсить престол и пригласил на совет «мудрыя мужи и искусны художники». И те «реша (сказали – *Я. А.)* Цареви, да положить в горнило злато, сребро, медь, илект (янтарь – *Я. А.),* железо, стекло, камени честныя многия, яхонты, смарагды, бисер, касидер, магнит, онечсий (оникс – род агата с глазком – *Я. А.)* алмазы и иная, до семидесяти двух различных вещей. И собравшее сотроша их вся вкупе и положиша в горнило, огнь же оныя вещи стопи, и сотвори едино сме-

шение». При этом, гласит легенда, царь и первый художник «видеша ангела, пристояща делу и мешающа в горниле», что нужно полагать, подчеркивает важность открытия.

Вклад Петра Заборского в украшение соборного Воскресенского храма был настолько весомым, что, когда он «скончался в 1665 году июля во 2-й день», то был «погребен самим патриархом под входной лестницей Голгофской церкви, у южной стены». Надгробную надпись составлял тоже сам Никон, назвав его «мастером золотых, серебреных, медных и ценинных дел и всяких рукодельных хитростей изрядной ремесленный изыскатель».

Такой человек с юных лет и стал творческим примером для Жоржа Заборского. Правда, он мог пойти и иным путем. Уже в зрелом возрасте Георгий Владимирович часто признавался, что «когда в средней школе учился, сочинял стихи, печатался даже, и все думали, что буду поэтом». И, видимо, желание это было довольно сильным, потому что всю свою жизнь до самых преклонных лет он старался рифмовать свои поздравления и пожелания близким и друзьям, а иногда и суждения о жизни и ее ценностях. Вполне возможно, что при окончательном решении этой дилеммы главную роль сыграло напутствие отца. Вот как об этом вспоминал Заборский, будучи уже народным архитектором СССР: «Он меня обнял и сказал: «Жорочка мой… Ты должен восстановить фамилию архитектора, твоего прадеда. Это моя последняя просьба. Чтобы ты ее выполнил». После этого я, правда, стихи пи-

сать не перестал, я их и сейчас пишу…».

Однако вполне могло случиться и так, что жизнь Жоржа пошла бы и вполне прозаичной колеей – железнодорожной. Семья нуждалась в средствах для существования, и он, исходя из жестких реалий, мог выбрать одну из специальностей, которых было много на «чыгунке». Юноша пробыл год рабочим на стадионе, что, конечно же, улучшило его анкету, поскольку в те времена во всех сферах общественной и творческой деятельности преимущество отдавалось пролетариям и крестьянам. Заборские же числились по разряду служащих, что не способствовало поступлению, скажем, в высшие учебные заведения. Но главную роль все же сыграл его талант, который был настолько очевиден, что не мог не привлечь внимания даже сугубо технического путейского начальства. Не случайно он впоследствии вспоминал, что в 1930 г. в Минский архитектурно-строительно-дорожный техникум поступил «по настоянию руководителей железнодорожного узла». А уже на выходе из техникума «государственная экзаменационная комиссия и наркомпрос БССР разрешили мне держать конкурсный экзамен в Ленинградскую академию художеств, куда я и был зачислен студентом на архитектурное отделение».

Внимание Наркомпроса (так в то время называлось министерство образования) к юному таланту помог привлечь, скорее всего, и Николай Ковязин, уже руководивший столичным ТЮЗом, потому свободно открывавший двери во

многие начальственные кабинеты. Родственные соображения, но уже другого порядка, повлияли и на выбор учебного заведения, в котором предстояло учиться. В Ленинграде жили братья мамы Георгия Заборского. Значит, в случае каких-либо трудностей было бы к кому обратиться. И впоследствии Жорж, в самом деле, много общался с двоюродным сестрами, которые помогали ему знакомиться с городом на Неве и его архитектурными красотами. Можно не сомневаться, что для студента Академии искусств каждый выход на питерские проспекты, улицы и площади был настоящим практическим семинаром, в ходе которого можно было соприкоснуться с колоннами, пилястрами и прочими деталями архитектурного свойства, которые и придавали зодчеству его особую красоту.

Георгий Владимирович во всех документах называл свою альма-матер только академией. А ведь этому особому заведению за пятнадцать лет, прошедших после революции, тоже пришлось пройти витиеватый путь от академии до… академии. Она была учреждена в 1757 г. указом императрицы Елизаветы по проекту выдающего ученого М. В. Ломоносова и просветителя графа И. И. Шувалова и явилась тем гнездом, в котором выросли многие выдающиеся архитекторы. Один из виднейших среди них – Василий Баженов, ставший автором знаменитого дома Пашкова, до сих пор считающегося самым красивым зданием Москвы, в котором ныне располагается Российская государственная библиотека. Акаде-

мия выпестовала архитекторов Николая, Леонтия, Юлия Бенуа, без творений которых невозможно представить ни Невский проспект, ни набережную Мойки, ни Дворцовую набережную, ни Александро-Невскую лавру в их родном Санкт-Петербурге. В Императорской академии искусств на Университетской набережной (бывшей Кадетской) на Васильевском острове встали на крыло и гении живописи Илья Репин, Иван Шишкин, Николай и Орест Крамские, Александр Иванов. И тем не менее в 1918 г. она была упразднена, а на ее месте образована Свободная художественная школа Отдела имуществ Наркомпроса РСФСР. Затем ее превратили в Петроградские свободные художественно-учебные мастерские (ПГСХУМ), им на смену поочередно приходили Высший государственный художественно-технический институт (ВХУТЕИН), Ленинградский высший художественно-технический институт (ЛВХТИ), Институт пролетарского изобразительного искусства (ИНПИИ), в котором архитектурного факультета уже не было, и, наконец, Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры. На его базе в 1932 г. все-таки была воссоздана Всероссийская Академия художеств. К счастью за эти годы не были потеряны качества профессиональной художественной школы.

Но поступление в академию для юного Жоржа было не простым. Неудача постигла на экзамене по математике. Зато повезло, что его рисунки попали на глаза Исааку Израилевичу Бродскому – видному художнику-реалисту, который

был в составе комиссии, оценивающей работы абитуриентов. Этот мастер кисти создавал портреты политиков от Керенского и Ленина до Сталина и Кагановича, но никто не мог отказать ему в таланте. К тому времени Бродский, тоже бывший выпускник Императорской академии, стал профессором академии, именовавшейся уже Всероссийской, а в 1934 г. возглавил ее в качестве ректора. Еще через год Бродский первым среди художников получил орден Ленина. Вот этот маститый художник и обратил внимание на рисунки и эскизы светловолосого парня из Минска, настояв позже на его зачислении в студенты, а его мнение значило многое.

О том, что для парня из железнодорожной семьи, оставшегося без отца еще в подростковом возрасте, огромным везением было поступление в Академию художеств, можно судить уже по списку преподавателей, которых он почитал всю жизнь. Первым в своих автобиографиях он называл Ноя Абрамовича Троцкого – тоже выпускника этой академии, тоже ставшего ее профессором. На земле ему было отведено всего сорок пять лет жизни, но сделал этот творец очень много. В первую очередь для Питера: это знаменитый Дом Советов, Василеостровский дворец культуры имени Кирова, многим известный Большой дом, в котором до войны размещалось ленинградское НКВД. В отличие от революционера Льва Давидовича Троцкого – одного из руководителей Октябрьской революции, НКВД не тронуло Ноя Абрамовича. Они ушли из жизни в один год, один своей смертью, другой насиль-

ственной, однако ирония судьбы состоит в том, что кто теперь, кроме специалистов, знает Ноя-архитектора, а не Льва-наркомвоенмора (так в первые советские годы именовались военные министры), имя которого продолжает оставаться на слуху и у политиков, и у тех, кто ею интересуется.

Вторым весьма почитаемым педагогом в «списке Заборского» шел Сергей Саввич Серафимов – тоже питомец Императорской академии художеств, еще до революции создавший здание Главного казначейства империи на набережной Фонтанки, а в более поздние годы Дом государственной промышленности и площадь Дзержинского в Харькове, который тогда был столицей Украинской ССР. Участвовал он и в конкурсе на возведение Дома правительства в Минске, но победил в том зодческом состязании И. Г. Лангбард. Весьма чтил Заборский академика архитектуры Григория Ивановича Котова, который был в числе авторов здания Московской городской думы, профессора Оскара Рудольфовича Мунца, спроектировавшего знаменитую когда-то Волховскую ГЭС. Есть в том списке и Иосиф Григорьевич Лангбард, которого энциклопедии называют одним из выдающихся зодчих XX века. Без его творений Минск не стал бы столь прекрасным городом: Дом правительства, Дом офицеров, Национальная академия наук, Национальный театр оперы и балета. Студент Заборский знал его еще по годам учебы в техникуме и даже проходил практику на строительстве Дома правительства. Лангбарду суждено было сыграть важную роль в жиз-

ни Заборского не только как преподавателю: после войны им довелось тесно сотрудничать в ходе восстановления Минска. А диплом Георгию подписывал Лев Владимирович Руднев – опять же питомец академии, тоже ставший академиком архитектуры, по проектам которого построен ансамбль зданий Московского государственного университета на Воробьевых горах, Дворец науки и культуры в Варшаве. Его Георгий Владимирович всегда называл одним из своих любимейших преподавателей.

Г. В. Заборский (второй справа во втором ряду) с друзьями во время учебы в Ленинграде

Г. В. Заборский во время учебы в Академии искусств

Учиться было у кого. И учился Жорж весьма старательно, стремясь постигнуть все стили и направления. Он прекрасно понимал и потом всю жизнь повторял, что без фундаментальных знаний никакое творчество невозможно, без них будет лишь «пустая игра формами, цветом». Более того, студент Заборский демонстрировал и другие, тоже весьма разносторонние способности, занимаясь одновременно различными видами спорта: волейболом, баскетболом, альпинизмом. Особенно гордился горными восхождениями, значок альпиниста СССР неизменно украшал его костюм на протяжении всей жизни. Он даже несколько бравировал этим. О том, что его спортивные успехи во время занятий в академии тоже были весьма заметными, свидетельствует книга, сохранившаяся в семейном архиве. Это «Французские карандашные портреты» 1936 года издания из серии «Художественное наследие западноевропейского искусства». На ней надпись: «Георгию Заборскому за хорошую активную работу в физкультурной организации. От Совета ф/к ВАХ. Пред. Совета, ст. преподаватель по ф/к. 14. V-1939». К сожалению, по автографу невозможно определить фамилию того преподавателя.

Г. В. Заборский в студенческие годы

Дипломной работой Заборского стал проект морского вокзала. Руководил его подготовкой С. С. Серафимов. Для обоих тот учебный год стал последним в академии. Георгий, сдав выпускные экзамены, через некоторое время уехал в Минск, а Сергея Саввича похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища, где погребены многие русские и советские писатели, музыканты, актеры, архитекторы, ученые и общественные деятели. Председателем государственной комиссии, принимавшей экзамены, был еще один выдающийся архитектор Николай Джемсович Колли – тот самый, которому довелось проектировать Днепрогэс, несколько станций Московского метрополитена, работать в паре со знаменитым Ле Корбюзье, а сразу после Великой Отечественной войны излагать свое видение путей восстановления разрушенного Минска. Заборскому вручили диплом, в котором было сказано, что «предъявитель сего тов. Заборский Георгий Владимирович в 1933 г. поступил и в 1939 г. окончил полный курс Института Живописи, Скульптуры и Архитектуры Всероссийской Академии Художеств по специальности – Архитектура – и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 19 июня 1939 г. ему присвоена квалификация Архитектора-Художника». Далее – подписи академиков Колли и Руднева. Регистрационный номер диплома – 221.

По воспоминаниям Георгия Владимировича, дальнейшая

жизненная дорога представлялась ему тогда вполне оптимистичной. В автобиографиях, написанных уже на склоне лет, говорится, что он был принят в группу московского архитектора Мержанова и должен был ехать в главную советскую столицу. Мирон Иванович Мержанов, он же Миран Оганесович Мержанянц, тогда был широко известным в стране человеком, проектировавшим и военные академии, и стадийские дачи. Он же создал Золотые звезды Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Перед войной работал на строительстве Дворца Советов в Москве, которому предстояло вырасти на месте взорванного храма Христа Спасителя и своей высотой – 420 метров – превзойти только что возведенный небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг в Нью-Йорке. Попасть под опеку такого мастера представлялось большой честью. Кто тогда мог подумать, что в 1943 г. Мержанова арестуют и приговорят к десяти годам лагерей.

Копия

Диплом
№091816

Предъявитель сего тов. Заборский Георгий Владимирович в 1933 г. поступил и в 1939 г. окончил полный курс Института Живописи Скульптуры и Архитектуры Всероссийской Академии Художеств по специальности — Архитектуры — и решением Государственной Экзаменационной Комиссии от 19 июня 1939 г. ему присвоена квалификация Архитектора Художника

Председатель Государственной Экзаменационной Комиссии

М.П.

Директор
секретарь

Печать учреждения выдавшего документ

Город Ленинград 1940 г.
Регистрационный №221

Копия диплома, выданная Г. В. Заборскому после войны взамен утерянного оригинала

В некоторых публикациях о жизни Заборского утверждается, что он даже успел два месяца поработать в союзной столице. Весьма перспективного выпускника, в самом деле, могли распределить в распоряжение одной из команд, имеющих отношение к возведению этого громадного здания, тем более, что в конкурсе на проект Дворца участвовал Владимир Георгиевич Гельфрельх – будущий академик архитектуры, Герой Социалистического Труда, лауреат двух Сталинских премий. Он тоже был преподавателем у Георгия Заборского и мог способствовать такому распределению. Однако, скорее всего, до официального оформления на работу дело не дошло. В анкетах, заполненных в разное время и Белгоспроекте, и в Белорусском политехническом институте, и в Белгипросельстрое, о работе в Москве на какой-либо должности нет ни слова. В них говорится, что до весны 1940 г. молодой Заборский был архитектором-художником в Василеостровском районе Ленинграда, а затем уехал в Минск.

В публикациях о Заборском и в его автобиографиях не раз говорилось о том, что его тянуло домой. Сестра в Минске уже вышла замуж и многие месяцы проводила на гастролях со своим театром. Мама оставалась одна. В Ленинграде же возникли трудности с жильем. «Квартирные условия» – так он назвал эти сложности в одной из анкет, правда, не рас-

шифровал, в чем заключалась суть. Скорее всего, дело было в том, что, закончив учебу в академии, он потерял возможность проживать в общежитии. Точку в размышлениях и колебаниях во время случайной встречи поставил И. Г. Лангбард, пояснивший, что учиться профессии архитектора предпочтительнее, конечно же, в больших городах, однако реализовывать себя лучше в провинции, но при этом не опускаться до провинциального уровня. И добавил, что в той же Москве «великих много», а в Минске больше возможностей показать себя, тем паче, что «во все времена имя творческой личности всегда создавала провинция». С одной стороны, с последним утверждением можно поспорить, поскольку, как известно, творческие личности чаще всего тянулись к большим столицам. С другой, Лангбард был хорошо знаком с Минском и понимал, что для архитектора работы там – непочатый край, и от зодчих с дипломом о высшем образовании, да еще полученном в столь авторитетной Академии искусств, там никому в голову не пришло бы отказываться. Поэтому, взвесив все «за» и «против», рассказывал потом Заборский, он решил возвращаться в Минск.

Г. В. Заборский после возвращения в Минск, 1940 г.

На лацкане пиджака – значок «Альпинист СССР», которым очень гордился Георгий Владимирович

Не исключено также, что Лангбард обещал ученику и свое покровительство. Ему тогда приходилось часто общаться с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, так как к тому времени Иосиф Григорьевич уже приступил к строительству Дома правительства и в Могилеве, куда предполагалось перенести белорусскую столицу из-за близости Минска к границе с Польшей, которая до сентября 1939 г. проходила всего в полусотне километров от столицы БССР. «Западными воротами СССР» была станция Негорелое, которую тогда знали почти все в большой стране. Это в Негорелом в 1932 г. встречали Максима Горького, решившего окончательно вернуться в Советский Союз. Вполне возможно, Лангбард отправлял своего молодого подопечного в распоряжение Пономаренко как раз потому, что был с ним в хороших отношениях. Притом Заборский ехал в белорусскую столицу в качестве первого в республике выпускника столь авторитетного учебного заведения, каким была академия в Ленинграде. Вряд ли было случайностью, что по возвращении в Минск Заборского принял сам первый секретарь ЦК и сразу же поручил ему возглавить экспедицию в Гомельскую и Полесскую области для изучения сельского народного творчества. Потом Георгий Владимирович признавался,

что тогда П. К. Пономаренко прямо спросил, знакомо ли выпускнику Академии художеств народное зодчество, на что Заборский столь же прямо ответил – нет. Так молодой специалист, под завязку нагруженный теоретическими концепциями, посвященными, главным образом, городскому строительству, получил возможность обогатить их пластом познаний иного рода – представлениями о народной архитектуре. Впоследствии окажется, что они весьма пригодились ему на разных этапах жизни и творчества и во многом стали определяющими в его подходах к зодчеству в целом. Народный белорусский орнамент станет присутствовать практически во всех его проектах.

Проект памятника для Белостока в честь воссоединения Западной Белоруссии с БССР

В то самое время жизнь предоставила молодому специалисту еще один шанс – сугубо творческий, но с серьезным политическим звучанием. Еще когда Георгий работал в Василеостровском районе Ленинграда, произошло воссоединение белорусских земель. В 1940 г. был объявлен конкурс на создание монумента, посвященного освободительному походу Красной Армии, который начался 17 сентября 1939 г. Монумент предполагалось установить в Белостоке, ставшем тогда центром одной из областей в составе БССР. И Заборский в конкурсе победил, выиграв премию в сумме 5000 рублей – весьма значительные по тем временам деньги. Уже этот факт, как говорится, прозрачно намекал, что молодому человеку светит интересное будущее. Однако случилось то, что в память целого народа врезалось словами поэта Бориса Котенева:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война…

Стихи эти были написаны на музыку одного из самых известных польских композиторов и музыкантов Ежи Петерсбурского, того самого, который создал мелодию еще более

известной песни «Синий платочек». Притом, как сидетельствуют энциклопедии, знаменитая мелодия была создана в Минске, в 1940 г., в только что построенной гостинице «Беларусь». Гостиница была возведена по проекту А. И. Воинова, которому в годы войны предстояло возглавить Союз архитекторов БССР. С ним Г. В. Заборского сведет именно война и свяжет их на всю оставшуюся жизнь. А Ежи Петерсбурский тогда возглавлял Государственный джаз-оркестр БССР, созданный при поддержке того самого П. К. Пономаренко, который, по утверждению некоторых источников, будучи первым секретарем ЦК КПБ, являлся и страстным поклонником джаза.

С началом войны налетам немецкой авиции подвергся, конечно же, не только Киев. Первая же бомбежка Минска, предпринятая немецкой авиацией 24 июня, была страшной и во многом была воспринята минчанами как неожиданность. Они все еще рассчитывали, что враг к столице допущен не будет, даже по воздуху. Ведь было же известно, что в околицах столицы расположено несколько военных аэродромов с большим числом самолетов, которым и предстояло прикрывать небо столицы. Заборский тоже третий день войны начинал с того, что продолжил работу над своими проектами, писал он в своих коротких воспоминаниях «У Соловьевской переправы», которые хранятся в Белорусском государственном архиве научно-технической документации. Правда, заметил, что к тому времени «облик города изменился: сде-

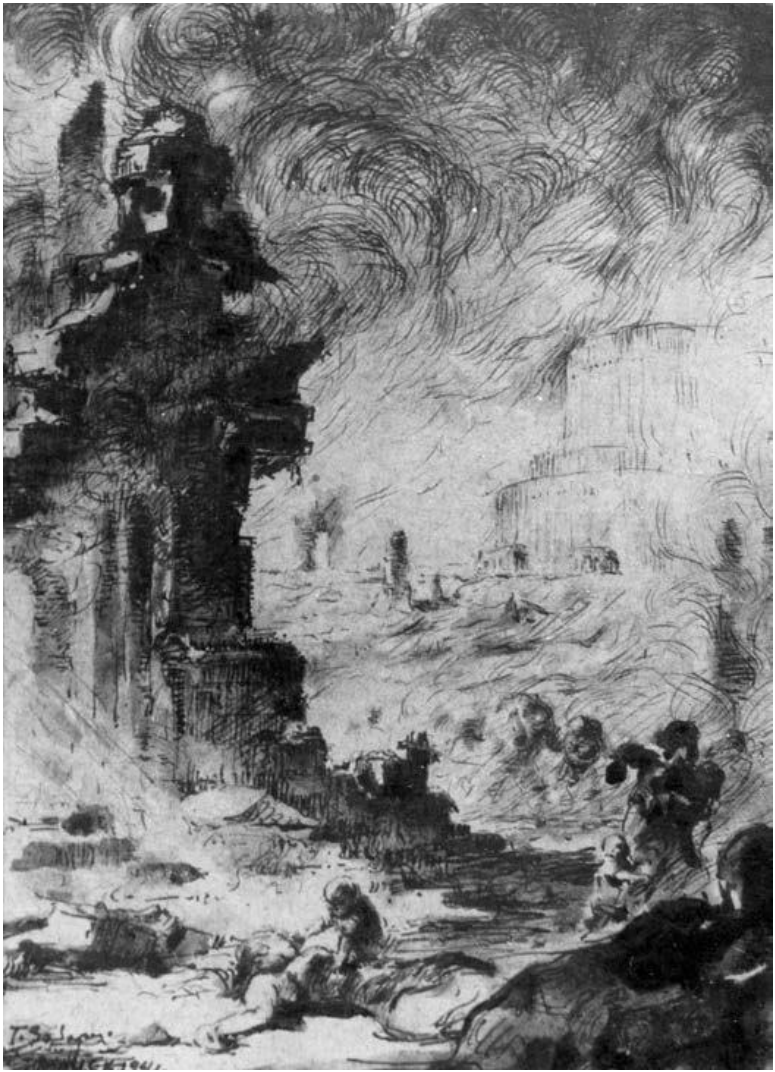
лался настороженнее, строже, уходили в армию подлежавшие мобилизации резервисты, создавались дружины самообороны…». Жена – Елена Роговая – была призвана военным комиссариатом еще раньше – на то она и врач. Сестра Мария находилась с театром в Барановичах на гастролях, и о ее судьбе ничего не было известно. Но она была с мужем, и оставалась надежда, что они успели эвакуироваться на восток. Потом выяснилось, что Ковязин присоединился к команде бронепоезда, а ей пришлось пешком несколько дней добираться до Минска, в который к тому времени уже вошли гитлеровцы. Мама-Елена Ивановна – оставлять дом и уходить не стала, тем более, что с ней была внучка Света – дочь Марии. Тогда никто не предполагал, что предстоит испытать и как долго будут тянуться испытания. И все ли переживут нагрянувшее несчастье…

Начавшийся 24 июня налет фашистской авиации был настолько массированным, что город «сразу потонул в огне и дыму». Заборский вспоминал, что «бежал по Советской улице, охваченной пожаром, обернув голову мокрой рубашкой, иначе дышать было невозможно». Так пришлось возвращаться с Троицкой горки, где он зарисовал потрясающую, как сам говорил, картину: пылающие дома, театр оперы и балета на фоне того пламени, поднимающиеся к небу клубы дыма. Как вспоминал спустя годы и сын Якуба Коласа Данила, когда они с отцом ехали «по Красной улице, которая горела с обеих сторон,, жар ощущался даже в маши-

не…». Известный ныне архитектор Вальмен Аладов, спроектировавший для Минска ЦУМ и крытый Комаровский рынок, а тогда одиннадцатилетний подросток, успел увидеть, как пылал дом, в котором он жил с папой – классиком белорусской музыки, одним из организаторов белорусской консерватории Николаем Ильичем Аладовым и мамой – искусствоведом Еленой Васильевной Ал адовой. Там теперь стоит завод «Горизонт». После войны Вальмену Николаевичу довелось проектировать столовую для этого предприятия, которая была построена как раз на том месте, где стоял их дом – так распорядилась судьба.

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации хранятся и записки Натальи Николаевны Маклецовой, которая в 1931 г., приехав из Ленинграда, стала работать в Белгоспроекте, затем много лет преподавала на факультете архитектуры Белорусского политехнического института. Это по ее проекту в Минске до войны был построен первый 100-квартирный шестиэтажный жилой дом с лифтом, который тоже стал жертвой той первой бомбежки. Она вспоминала, что «утром, как всегда, пошли на работу к 8-ми часам… Часов в 12 началась страшная бомбежка. Самолеты с черными крестами на крыльях налетали стаями и прицельно бомбили город по кварталам. Падали вперемежку фугасные и зажигательные бомбы. Около 14-ти часов пришла очередь нашего квартала в районе Сторожевки. Было очень страшно, но, когда загорелась крыша над нами, мы са-

моотверженно вытащили весь спецархив, сгрузили в соседнем сквере и установили круглосуточное дежурство. Наивные, мы были уверены, что кто-то вспомнит о нас и увезет эту груду бумаг, плоды наших трехмесячных трудов. Но наш начальник Богданов еще накануне уехал из города на служебной машине…».



Горящий Минск, 24 июня 1941 г. Рисунок сделан Г. В. Заборским в день ухода на фронт. Хранится в Белорусском государственном архиве научно-технической документации

Одни уже спасались, другие все не могли поверить, что мирная жизнь закончилась. Вот еще одна запомнившаяся Маклецовой картина: «станция Озерище (20 км от города). Только что прибыл и стоял под парами пассажирский поезд из Москвы. На платформу вывалилась толпа чистых, причесанных, возмущенных пассажиров. «Почему стоим? Почему не пускают в Минск? Возмутительно!», а перед ними взлохмаченная, испуганная, грязная, уже опаленная войной масса беженцев. Они наивные, еще не хлебнувшие горя, возмущаются, не верят, обзывают нас провокаторами, обманщиками… Только постепенно до их сознания доходит правда: Минск перестал существовать, ехать поезду некуда…».

Заборский признавался, что та бомбежка произвела на него ошеломляющее впечатление, и потому он, «вернувшись домой, спохватился: «Чего я, собственно говоря, жду? Надо складывать карандаши, кисти и брать в руки винтовку». Он закопал рисунок горящего города в саду под яблоней и ближе к вечеру попрощался с матерью. Поскольку военкомата на месте уже не было, «пошел на восток искать призывной пункт». Уходил с верными друзьями – скульптором Алексеем Глебовым и художником Евгением Зайцевым. С Зайцевым, который выполнил первые росписи в белорусском те-

атре оперы и балета, он учился в академии Ленинграде. С Глебовым познакомился уже после учебы. Уходя, он и предположить не мог, что после войны вместе с Алексеем доведется работать над обелиском Победы. Впрочем, тогда им думалось о другом. Назавтра в лесу уже далеко от Минска они нашли, конечно же, не призывной, а один из сборных пунктов, которые создавались в первую очередь для отставших от своих частей солдат и офицеров, а также для тех, кто пробивался из окружения. Разумеется, там принимали и желающих присоединиться к армии. Со сборного пункта пешим порядком добрались до железнодорожной станции, откуда военный эшелон доставил их до места, где шло пополнение и формирование частей, обучение только что призванной молодежи. Курс молодого бойца был кратким, так как события на фронте торопили.

С Евгением Зайцевым и Алексеем Глебовым судьба развела еще на том этапе. Евгений потом участвовал в партизанском движении, Алексею суждено было стать танкистом, освобождать Минск в июле 1944 г. Говорят даже, что Глебов на своем танке подъехал к тому месту, где стоял дом, в котором он жил до войны, в надежде встретиться с мамой и сестрой. А Георгию Заборскому бог войны отвел лишь месяц пребывания в боевых условиях. Это был июль. Но, видимо, правильнее сказать, что бог войны отвел добровольцу целый месяц, поскольку жизнь на передовой была короткой. Военные статистики подсчитали, что младший офицер в услови-

ях активных боев до ранения или смерти успевал прожить не более трех суток. О рядовых солдатах таких сведений встречать не приходилось, но известно, что в схватках на улицах Сталинграда жизнь целой стрелковой дивизии могла длиться только день.

Георгий Владимирович впоследствии утверждал в письмах друзьям и в послевоенных беседах, что на первых порах ему везло. Притом не раз. Когда они уходили на фронт, на улицах Минска валялись многочисленные листовки, призывавшие тех, кто желает стать бойцом Красной Армии, собираться в таком-то загородном лесу. Приятели решили туда не идти, а переночевать у знакомого в одном из окраинных домов. Назавтра узнали, что тот лес подвергая жестокой бомбардировке немецкой авиации. Во время одного из привалов после пешего перехода Заборского, уже задремавшего на плащ-палатке, вдруг разбудил женский голос: «Встань и отойди к лесу!». Хотя Георгий, проснувшись, никакой женщины не увидел, тем не менее, приказ выполнил. А вскоре начался обстрел, и в том месте, где он недавно был, стали раздаваться взрывы. Потом в ходе одной из атак рядом с ним упал убитый солдат, с его головы свалилась каска. И опять какой-то голос велел поднять ту каску и надеть ее поверх пилотки. А через несколько минут – удар осколком в каску, от которого потерял сознание. Друзья после боя даже сочли, что он мертв и наспех присыпали песком. Очнувшись, он выбрался из «временного захоронения». По другой вер-

сии, вытащили другие солдаты, заметившие, что плохо присыпанная рука время от времени шевелится.

Но 30 июля в жаркой схватке под городом Ярцево – за Смоленском – Георгию Заборскому пуля пробила навылет горло. Уже в мирные годы в День Победы он всегда поднимал бокал за женщину в гимнастерке и кирзовых сапогах, которая его, раненного, вынесла с поля боя. Никогда не называл ее имени. Возможно, и не знал его. Иногда добавлял, что, оттащив от линии огня, она на некоторое время упрятала его за постаментом, на котором стоял бюст Сталина. О том, в каком состоянии он находился в результате того ранения, красноречиво говорят документы. Один из них – справка, полученная из Санкт-Петербургского филиала Центрального архива министерства обороны Российской Федерации за подписью начальника отделения хранения А. Петрачкова. Из нее следует, что «Заборский Георгий Владимирович… получил пулевое проникающее ранение в области шеи, по поводу чего с 3 августа 1941 г. находился на излечении в ЭГ (эвакогоспитале – *Я. А.)* 2977, Ясная Поляна, Тульская обл… из которого 09 августа 1941 года эвакуирован. Примечание: социально-демографические и другие сведения не указаны». А не были указаны в карточке учета раненных и больных № 64/413, как следует из этой архивной справки, ни год рождения, ни звание поступившего в госпиталь солдата, ни время, с которого солдат находился на фронте. Это, скорее всего, говорит о том, что таких данных не мог пока со-

общить сам военнослужащий, поскольку не имел возможности разговаривать. А других источников информации, кроме самого солдата или его товарищей, о бойце, поступившем с позиций, быть и не могло. Красноармейская книжка – предшественница всем известного в наше время военного билета, стала обязательной на фронте только с 7 октября 1941 г.

До этого человек в гимнастерке, каске, находящийся в окопе, боевом дозоре, в походе, на привале, никаким документом, свидетельствующим, что он действительно является красноармейцем такой-то части, такого-то года от роду, такого-то звания, не располагал. О том, что боец с простреленным горлом является Георгием Заборским, врачам сообщили, скорее всего, однополчане, доставившие его в санбат. Или та женщина в гимнастерке. А Заборский какое-то время был не в состоянии не то что говорить, но даже пить и есть. Жил на уколах.

Несколько более подробно об этом говорится в приписке к одной из его автобиографий, сделанной женским почерком. Биография писалась им уже в преклонном возрасте, а приписка, судя по терминологии, повторяет информацию, изложенную в каком-то медицинском документе, но не сохранившемся в домашнем архиве ее владельца. В ней говорится, что Заборский тогда «получил тяжелое сквозное ранение в нижнюю часть шеи. После ранения был без сознания в течение суток. А потом – полная потеря голоса. Впоследствии разговаривал только полушепотом. Боли в левом пле-

че. Движения головы во все стороны ограничены. Предплечье и кисть полусогнуты. Активные движения в левом плече и локтевом суставе ограничены и болезнены». Кроме того, в приписке говорится о втором ранении, которому, судя по всему, из-за тяжести первого, поначалу не было придано достаточно внимания в санбате и в госпитале в Ясной Поляне. Это травма шеи – «глухое ранение большим металлическим осколком в мягких тканях слева от спинного 3–4 шейного позвонка». Результатом этого ранения стал «оскольчатый перелом тела 3-го шейного позвонка и верхней части тела 4-го шейного позвонка со смещением осколков в пределах поражения». Уже рукой Георгия Владимировича добавлено, что «размер осколка 2,5 на 1,5 сантиметра», а также, что осколок «операции не подлежал, так как находится в пучке нервов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.